

Кирилл, архиеп. Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна [Предисл., кн. 1: вступл.— гл. 1 (Ин. 1, 1)] / Пер. и примеч. М. Д. Муретова // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 1. С. 1–16 (1-я пагин.). (Начало.)

Святаго Отца нашего
КИРИЛЛА
АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО
ТОЛКОВАНІЕ
на евангеліе отъ Іоанна.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Господь дастъ глаголь благовѣствующимъ силою многою (Псал. 67, 12), прекрасно возглашаетъ Псалмопѣвецъ, — и приступать къ сему, думаю, подобаетъ не всѣмъ вообще, но только просвѣщеннымъ благодатію свыше, такъ какъ *всяка премудрость отъ Господа*, какъ написано, (Сирах. 1, 1), *и всяко даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17 ср. Лук. 21, 15; 1 Кор. 1, 30; Іов. 12, 13; Притч. 2, 6 и др.). И дѣйствительно, разсужденіе о Высочайшей всѣхъ Сущности и Ея тайнахъ оказывается дѣломъ опаснымъ и для многихъ не безвреднымъ, молчаніе же о семъ свободно отъ опасностей. Но насъ, хотя и думающихъ, что надлежало бы конечно хранить молчаніе, выводитъ изъ него Сущій надъ всѣмъ Богъ, говоря одному изъ святыхъ (это былъ Павелъ): *глаголи, и да не умолкнешь* (Дѣян. 18, 9). Такую же заповѣдь имѣетъ и законъ (Моисеевъ), какъ бы въ чувственномъ образѣ указывающій на пред-

меты духовные. Призваннымъ къ божественному священству онъ повелѣваетъ трубными звуками объявлять народу о томъ, что онъ долженъ былъ узнать. Богъ, думаю, желавшій дать совершеннѣйшій законъ, не считалъ должнымъ, чтобы вожди народовъ, *положивъ руку на уста*, по написанному (ср. Суд. 18, 19 и Юв. 39, 34), изъ опасенія не показаться дерзко берущимися за предметы, превышающіе умъ человѣческой, отказывались отъ разсужденія, столь необходимаго для научаемыхъ благочестію и богопознанію, и избирали молчаніе, вредное для приступающихъ къ наукѣ. Но при этомъ и устрашаетъ насъ Христовъ ученикъ, говоря: *не мнози учителя бывайте* (Іак. 3, 1). Также и Премудрый Екклесіастъ, указывая на опасность ученія таковымъ предметамъ, говоритъ: *разсѣкая дрова бѣду приметъ въ нихъ, аще спадетъ стѣчиво, и самъ лицемъ смятется, и силы укрѣпитъ* (Екклес. 10, 9). *Стѣчиву* (топору) уподобляетъ остроту ума, какъ могущаго проникать и доходить до внутреннѣйшаго, хотя бы ему и препятствовала грубость и дебелость матеріи,—а *деревами* также образно называетъ созерцанія богодухновеннаго Писанія, устрояющія изъ книгъ, въ коихъ содержатся, какъ бы нѣкій духовный садъ и порождающія кромѣ того и плодоношеніе Святаго Духа. Кто эти духовныя *дерева*, тоестъ божественныя и таинственныя созерцанія богодухновеннаго Писанія, пытается раскрыть посредствомъ изслѣдованія и сильнѣйшаго напряженія ума и остроты, тотъ *бѣду приметъ* (можетъ подвергнуться опасности) въ особенности тогда, когда, говоритъ, *спадетъ стѣчиво* (топоръ), тоестъ, когда умъ не будетъ правильно понимать истинный Смыслъ Писанія и, какъ бы оставивъ прямую дорогу, устремится по нѣкому другому пути созерцанія, удаленному отъ истины. Подвергшійся

сему въ смятеніе приведетъ лице своей души, тоестъ сердце, и *укрѣпитъ* въ себѣ злыя и противныя силы, кои горькими и извращенными разсужденіями прельщаютъ умъ заблуждающихся, не позволяя ему взирать на красоту истины, извращая его различнымъ образомъ и склоняя къ увлеченію непристойными мыслями, ибо *никто же речетъ анаѳема Іисуса*, развѣ только Веельзевуломъ (1 Кор. 12, 3). Но да не по думаетъ кто, заблуждаясь, что здѣсь дается изъясненіе этихъ словъ ложное или какое-либо обманное. Деревянами, какъ мы уже сказали, Священное Писаніе обыкновенно называетъ созерцанія, содержащіяся въ богодухновенныхъ Писаніяхъ. Такъ и чрезъ премудраго Моисея Богъ всяческихъ говоритъ нѣчто подобное же къ тогдашнимъ людямъ: *аще же обсядеши окрестъ¹⁾ града²⁾ дни многи воевати его въ пріятіе его³⁾, да не истребиши садовія его—возложити⁴⁾ на нь желѣзо, но отъ него да яси⁵⁾, самого же не постъчеши. Еда человекъ⁶⁾ древо еже въ дубравѣ⁷⁾—внити⁸⁾ отъ лица твоего въ забрала? Но древо, еже въси, яко не яется плодъ его⁹⁾, сіе потребиши и постъчеши* (Второз. 20, 19—20). Хотя всякому, предполагаю, и очевидно, что Богъ всяческихъ не удостоилъ бы положить намъ такой законъ, если бы сказанное разумѣлось о деревьяхъ, выростающихъ изъ земли, однакоже и изъ другой заповѣди, думаю, можно доказать, что Богъ отнюдь не щадилъ ихъ (деревья) и

¹⁾ περι какъ въ греч но слав опускаетъ

²⁾ Слав приб. единъ Ваг и др. ми но Ал и др. ми, опуск.

³⁾ αυτις, по Слав. себѣ

⁴⁾ επιβαλει, по Слав: *возложитъ*—επιβαλων какъ код 53 у Noim

⁵⁾ Слав. *но токмо* (- αλλ η какъ Ваг и др но Ал какъ св. Кир *да яси плодъ отъ нихъ απ' αυτων* и код, 53)

⁶⁾ Слав приб *естъ*.

⁷⁾ δρυω и Алекс и др но Ваг и др. *αυρω*

⁸⁾ εισελθει, Слав. *еже внити*.

⁹⁾ ου καρποφορον εστι—букв не плодосъ подобно *естъ*.

не придавалъ имъ никакого значенія. Ибо что опять повелѣваетъ Онъ касательно лжеименныхъ боговъ? *Трѣбища ихъ, говоритъ, разсыплете, и столпы ихъ сокрушите, и дубравы ихъ посъчете* (Второз. 7, 5). Вблизи же Своего жертвенника Онъ совсѣмъ не дозволяетъ возвращать деревья, ибо ясно возвѣщаетъ: *да не насадиши себѣ¹⁾ дубравы близъ олтаря Господа Бога твоего* (Второз. 16, 21). И если къ этому нужно еще присоединить что либо, то скажу подобно премудрѣйшему Павлу: *еда о деревьяхъ радитъ Богъ? или насъ ради всяко глаголетъ?* (1 Кор. 9, 9—10),—посредствомъ чувственныхъ образовъ руководя къ созерцанію предметовъ духовныхъ. Посему скажемъ уже, что подь городами можно разумѣть сочиненія нечестивыхъ еретиковъ, не безъ украшеній нѣкихъ укрѣпленныя мудростію міра и хитросплетенными обманами мыслей. Но приступаетъ для осажденія ихъ и нѣкоторымъ образомъ облагаетъ кругомъ, воспріавъ *щитъ вѣры и мѣчь духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. 6, 16. 17), всякій, кто сражается за священные догматы Церкви и со всею силою выступаетъ противъ ихъ лжеученій, стараясь, какъ говоритъ Павелъ, *помышленія низложить и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10, 4. 5). Итакъ, когда, говоритъ, такой воинъ Христовъ окружаетъ ненавистныя сочиненія еретиковъ какъ бы нѣкую иноплеменную землю и встрѣчается съ деревьями садовыми, то есть если найдетъ слова изъ богодухновеннаго Писанія, очевидно или изреченія пророковъ, привлеченныя для цѣли ихъ, или и свидѣтельства изъ

¹⁾ Св. Кир приб. здѣсь: *лав*, но въ др. м. безъ этой прибавки, какъ и др. греч

Новаго Завѣта: тотъ да не наводитъ на нихъ (мѣста Священнаго Писанія) остроту своего ума, какъ бы нѣкую сѣкиру, для уничтоженія и отсѣченія ихъ. Вѣдь слово Божіе отнюдь конечно не должно быть отвергаемо только потому, что оно употребляется не умѣющими правильно толковать его. Но поелику оно плодоносно, то скорѣе послужитъ тебѣ въ помощь и пищу. И дѣйствительно, обращая въ правое доказательство вѣры то, чѣмъ они иногда пользуются неразумно, мы не только не окажемся немощными, но содѣлаемся напротивъ сильными въ основаніяхъ противъ ереси. Приводитъ тотчасъ же и основаніе, нѣкоторымъ образомъ убѣждающее слушателей въ томъ, что стремленія защиты должны направляться не къ разрушенію божественныхъ словесъ, а наоборотъ—къ уничтоженію того, что неправильно говорится противниками: *еда, говоритъ, человекъ (есть) древо еже въ дубравѣ—внити отъ лица твоего въ забрала?* Неужели, говоритъ, ты можешь подумать когда либо, что взятое изъ священныхъ писаній изреченіе, подобно какому-либо изъ ересіарховъ, можетъ само по себѣ выступать на борьбу съ тобою, а не наоборотъ—насильственно привлекается къ этому безуміемъ тѣхъ (ересіарховъ)? Итакъ, не вырубай, говоритъ, но да будетъ тебѣ и пищею, *древо же, еже въси, яко не ятсѣ плодъ его, потребиши и поспъчши;* ибо для желающихъ мыслить право не съѣдобенъ плодъ сочиненій ихъ. Противъ нихъ-то и да устремляется всякая сѣкира, тамъ да проявляется сила духовныхъ древосѣковъ. на нихъ да блистаетъ топоръ крѣпкій въ защитѣ (истины). А негодность и бесполезность болтовни иномыслящихъ превосходно изъяснилъ намъ и пророкъ Осія въ словахъ: *рукоятъ не имущая силы еже сотворити муку, аще же и сотворитъ, то чуждѣи поядятъ ю* (Ос. 8, 7), ибо старающіеся отчуж-

дить себя отъ любви къ Богу будутъ поядать пустое и безильное ученеіе своего невѣжества.

Но теперъ слѣдуетъ, думаю, возвратиться къ тому, что мы говорили въ началѣ. Весьма трудно изъясненіе божественныхъ тайнъ и быть можетъ лучше молчаніе. Но такъ какъ, трудолюбивѣйшій братъ, многія основанія побуждаютъ насъ посвятить сочиненіе свое, какъ бы нѣкій плодъ устъ и духовную жертву, то и не умедлю сдѣлать это, возложивъ надежду на Бога, умудряющаго слѣпцовъ и требующаго отъ насъ не того, что выше нашихъ силъ, но приѣмлющаго какъ жертву и приношенія отъ бѣдныхъ. Такъ желающему принести даръ во всесоженіе Господу, какъ читается въ началѣ книги Левитъ, Законодатель повелѣлъ жертвовать тельцовъ. Но опредѣливъ этимъ мѣру прообразовательнаго ветхозавѣтнаго благочестія, Онъ потомъ уменьшаетъ ее, говоря, что тѣмъ, кои не имѣли бы достатка для такого дара, должно приносить въ жертву мелкій скотъ¹⁾. Но зналъ Онъ конечно и то, что ужасная и безвыходная бѣдность можетъ заставить кого либо быть не въ состояннн и на такую жертву. почему и говоритъ: *и принесетъ отъ горлицъ, или отъ голубовъ даръ свой* (Лев. 1, 14). Но и еще болѣе бѣднаго, чѣмъ эти, и приходящаго съ еще менѣе цѣнными жертвами Онъ удостоиваетъ пріятія, ибо говоритъ: *мука пшенична будетъ даръ его* (Лев. 2, 1), назначая такимъ образомъ даръ, легко доступный, могу думать, всякому и не очень обременяющій даже и крайнюю бѣдность. Законодатель зналъ, что лучше конечно и превосходнѣе приносить хотя бы и немного плодовъ, чѣмъ совсѣмъ не приносить и, изъ стыда не показаться (въ этомъ) ниже другихъ, доходить до мысли о ненужности почитать (жертвами) Владыку всяческихъ.

¹⁾ овецъ, агнцевъ и козлищъ

Вполнѣ убѣжденный всеѣми этими основаніями и удаливъ изъ моей души боязливость, покровительницу молчанія, я буду думать, что должно почитать моего Владыку тѣмъ, что есть у меня,—и, какъ бы нѣкую пшеничную муку, смоченную елеемъ, принесу питательное и пріятное читателямъ разсужденіе.

Начнемъ ¹⁾ съ писанія Іоанна, принимаясь хотя и за весьма великое дѣло, но не унывая по вѣрѣ. Безспорно надлежитъ сознаться, что мы скажемъ и изъяснимъ конечно менѣе того, чѣмъ должно. Но великая трудность этого писанія (евангелія Іоанна) или и, что вѣрнѣе, немощь нашего ума должны побуждать меня просить справедливаго извиненія въ этомъ. Повсюду направляя разсужденіе къ догматическому изслѣдованію, мы будемъ, по мѣрѣ силъ, опровергать лжемиѣнія ересеучителей, не простирая размѣры слова на столько, сколько возможно, но удаляя излишнее и стараясь удержаться въ должныхъ предѣлахъ.

Нижеслѣдующее обозначеніе главъ приведетъ въ ясность, о чемъ у насъ идетъ болѣе подробное разсужденіе, къ коимъ мы присоединили и цифры, чтобы читателямъ было удобнѣе находить искомое.

¹⁾ Отсюда видно, что это былъ первый истолковательный трудъ Святаго Отца.

Г Л А В Ы,

Содержащіяся въ первой книгѣ.

I. О томъ, что въчтенъ и прежде въкъ Единородный, — предметомъ изъясненія служитъ изреченіе: „въ началѣ бѣ Слово“ (Іоан. 1, 1).

II. О томъ, что Сынъ, будучи и Богомъ еднотелнымъ Отцу, въ собственной сущности ипостаси, подобно же и Отецъ,—предметомъ служитъ изреченіе: „и Слово бѣ къ Богу“ (Іоан. 1, 1).

III. О томъ, что Сынъ есть и Богъ по природѣ, никоимъ образомъ не менше или не подобенъ Отцу,—предлѣжитъ изреченіе: „и Богъ бѣ Слово“ (Іоан. 1, 1).

IV. Противъ дерзающихъ говорить, что другое есть внутреннее (*ενδιαθετος*) и природное (*φωβιος*) въ Богъ и Отцъ Слово, и другое—называемое въ священныхъ божественныхъ писаніяхъ „Сыномъ“,—такое зломнѣніе принадлежитъ Евноміанамъ, — предлѣжитъ для объясненія изреченіе: „Сей бѣ въ началѣ къ Богу“ (Іоан. 1, 2).

V. О томъ, что Сынъ есть по природѣ Творецъ всѣхъ съ Отцемъ, какъ существующій изъ сущности Его, а не какъ слуга пріемлемый (для сего),—предложеніемъ служитъ изреченіе: „Вся тѣмъ быша“ (Іоан. 1, 3).

VI. О томъ, что Сынъ есть жизнь по природѣ, и посему не тваренъ, но изъ сущности Бога и Отца,—предметомъ служитъ изреченіе: „Еже бысть, въ томъ животъ бѣ“ (Іоан. 1, 3—4).

VII. О томъ, что Сынъ есть свѣтъ по природѣ, и посему не тваренъ, но изъ сущности Бога и Отца, какъ свѣтъ истинный изъ свѣта истиннаго,—предметомъ служатъ слова „И животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ“ (Іоан. 1, 4).

VIII. О томъ, что одинъ только Сынъ Боги есть свѣтъ истинный, тварь же нѣтъ, будучи (только) причастна свѣту,

какъ произшедшая,—предлежитъ изреченіе: „Бѣ свѣтъ истинный“ (Іоан. 1, 9).

IX. О томъ, что душа чловѣка не предсуществуетъ тѣлу, ни воплощается (въ тѣлѣ) за прежнія грѣхи, какъ думаютъ нѣкоторые,—предлежитъ изреченіе: „Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка грядущаго въ мѣръ: въ мѣръ бѣ“ (Іоан. 1, 9—10).

X. О томъ, что Единородный только одинъ по природѣ Сынъ изъ Отца, какъ сущій изъ Него и въ Немъ,—предметомъ служитъ изреченіе: „Бога никтоже видѣ нигдѣже“ (Іоан. 1, 18).

КНИГА ПЕРВАЯ.

По истинѣ точенъ и богонаученъ умъ святыхъ евангелистовъ, какъ бы съ какого холма и мѣста созерцанія великолѣпнаго зрѣлица, отовсюду усматривающій потребное для слушателей и съ напряженнымъ нѣкимъ стараніемъ уловляющій то, что считаетъ полезнымъ для жаждущихъ истиннаго разумѣнія божественныхъ догматовъ и съ благимъ намѣреніемъ изслѣдующихъ сокровенный въ божественныхъ писаніяхъ смыслъ. Это потому, что не занимающимся пустыми изслѣдованіями и не увлекающимся хитро-сплетенными обманами мыслей болѣе, чѣмъ радующимся истинѣ, открываетъ (истину) Духъ, такъ какъ ни *въ злохудожну душу не увидеть* (Прем. Сол. 1, 4), ни съ другой стороны дозволяетъ драгоценнымъ жемчужинамъ валяться у ногъ свиней (Матѣ. 7, 6), но со всею благосклонностію бесѣдуетъ съ простѣйшими душами, какъ имѣющими совершенно безхитростное движеніе и отказывающимися отъ излишняго уместованія, коему постоянно и случается *изумляться* (Еккл. 7, 17) и вслѣдствіе извилистости уклоняться отъ прямого и царскаго пути, ибо *ходитъ надѣясь, иже ходитъ престо*, по слову Соломона (Притч. 10, 9).

Если же святые евангелисты имѣютъ весьма удивительную точность въ писаніи,—ибо *не они говорятъ*, по слову Спасителя (Матѣ. 10, 20), но *Духъ Отца въ нихъ*, то со всею основательностію превыше удивленія дол-

женъ поставить писаніе Іоанна тотъ, кто обратитъ взоръ свой на возвышенность его созерцаній, на остроту его ума и на послѣдовательное и согласное между собою изложеніе мыслей. Въ изъясненіи божественныхъ догматовъ они (евангелисты) конечно сходятся другъ съ другомъ и, какъ бы отправившись отъ черты ¹⁾, устремляются къ одной цѣли, но (внѣшній) образъ слова у нихъ слагается нѣсколько различный. Они представляются мнѣ подобными тѣмъ, у коихъ есть повелѣніе собраться въ одинъ городъ, но они не согласились идти одною и тою же большою дорогою. Такъ, другіе евангелисты, какъ можно видѣть это (въ ихъ евангеліяхъ), съ большою точностію ведутъ рѣчь о плотскомъ родословіи Спасителя нашего и или по порядку низводятъ потомковъ Авраама до Іосифа ²⁾, или наоборотъ—возводятъ предковъ Іосифа до Адама³⁾,—а блаженный Іоаннъ не очень много позаботился о семь, но посредствомъ какъ бы пламенѣющаго и огненнаго движенія ума рѣшается косаться самихъ превышающихъ умъ человѣческой предметовъ и дерзаетъ изъяснять неизреченное и не-сказанное рожденіе Бога-Слова. Зналъ онъ конечно, что *слава Божія крыетъ слово* (Притч. 25, 2), что божеское достоинство превышаетъ нашего разумѣнія и слова и что свойства божественной природы крайне трудно выражать въ словѣ и изъяснять.

Но поелику необходимо было какъ бы ладонью измѣрить небо и съ ничтожными силами человѣческими приступить къ предметамъ для всѣхъ мало-доступнымъ и трудно-изъяснимымъ, дабы не облегчилось бы для ересу-учителей нападеніе на простецовъ въ томъ случаѣ, если бы не было никакого гласа святыхъ, кои были *само-*

1) Или столба и преграды, откуда начинался составительный бѣгъ

) Матеей.

3) Лука.

видцами и служителями Слова (Лук. 1, 2), останавливающего (гласа) зломыслие тѣхъ (ересеучителей): то посему стремительно обращается къ самому главнѣйшему изъ божественныхъ догматовъ, восклицая: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово: Сей (Сіе) бѣ въ началѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1—2). Но я думаю, что занимающимся священными писаніями должно и у всѣхъ (другихъ священныхъ писателей) брать слова, кои окажутся соотвѣтствующими цѣли и полезными: такимъ образомъ собирая во едино и сводя къ единой цѣли и мысли разнообразныя созерцанія многихъ, они взойдутъ въ должную мѣру знанія (Ср. Ефес. 4, 13) и, подражая трудолюбивой и мудрой пчелѣ, соорудятъ сладостные соты Духа.

Нѣкоторые изъ трудолюбцевъ говорятъ, что послѣ распятія Спасителя нашего и восшествія на небеса какіе-то лжепастыри и лжеучители, подобно дикимъ звѣрямъ бросившись на стадо Спасителя, не малое произвели смятеніе, *говоря отъ сердецъ своихъ*, какъ написано, *а не отъ устъ Господнихъ* (Іерем. 23, 16), — даже болѣе, не отъ одного только сердца своего, но отъ наученій отца своего, очевидно діавола. Вѣдь если *никто не можетъ сказать анагема Іисусу* (1 Кор. 12, 3), какъ только Веельзевуломъ, то какъ можетъ оказаться не истиннымъ наше слово о нихъ? И что изрыгаютъ на собственную голову тѣ, кои невѣжественно и нечестиво утверждаютъ, что Единородное Слово Бога, свѣтъ вѣчный, въ Коемъ всѣ мы *и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28), впервые призванъ къ существованію только тогда, когда и какъ человѣкъ рожденъ чрезъ святую Дѣву и, общій этотъ (всѣмъ людямъ) видъ пріавъ, *на земли явися*, какъ написано, *и съ человекки поживе* (Варух. 3, 38). Имѣющихъ такой образъ мыслей и дерзающихъ клеветать на неизречен-

ное и превѣчное рожденіе Сына пророческое слово укоряетъ такимъ образомъ: *вы же прїидите съмо, сынове беззаконнїи, съмя прелюбодѣвъ и блудницы: въ чемъ услаждаетесь, и на кого отверзосте уста ваша, и на кого изсунусте языкъ вашъ* (Иса. 57, 3. 4)?—языкъ, очевидно не износящій доброе изъ добраго сердца, но извергающій ядъ скверноубійственнаго змія, о коемъ Псалмопѣвецъ какъ бы говоритъ къ единому и надъ всѣми Богу: *Ты стерлъ еси главы змія на водѣ* (Псал. 73, 13) ¹⁾.

Поелику же о семь не малое было у увѣровавшихъ смущеніе и вредъ отъ соблазна подобно язвѣ пожиралъ души простецовъ,—ибо нѣкоторые, болтовнею тѣхъ еретиковъ отвлекаемые отъ истинныхъ догматовъ, дѣйствительно думали, что Слово тогда только призвано къ началу бытія, когда стало человѣкомъ: то тѣ изъ увѣровавшихъ, кои были болѣе мудрыми, собравшись и сопедшисъ всѣ вмѣстѣ, приступили къ ученику Спасителя, тоестъ къ самому Іоанну, говорю, и возвѣстили ему о недугѣ, удручавшемъ братьевъ,—открыли ему и пустословіе ересеучителей и горячо умоляли его помочь имъ самимъ своими свѣтовожденіями чрезъ Духа и простереть спасительную руку уже уловленнымъ и попавшимъ внутрь сѣтей діавольскихъ. Поскорбѣвъ о погибшихъ и извращенныхъ умомъ, Ученикъ счелъ также весьма неумѣстнымъ, чтобы не принять никакого попеченія и о послѣдующихъ поколѣніяхъ и обратился къ написанію книги. Присемъ онъ другимъ евангелистамъ предоставилъ пространіе повѣствовать о томъ, что можно было сказать по человѣчеству о законномъ по плоти и естественномъ Его родословіи и рожденіи. Самъ же

¹⁾ Слав.: *зміевъ въ водѣ*.

очень горячо и весьма мужественно устремляется противъ пустословія вводящихъ такія лжеученія, говоря: *въ началѣ бѣ Слово.*

ГЛАВА I.

О томъ, что вѣченъ и прежде вѣкъ Единородный

I. 1. Въ началѣ бѣ Слово.

Что на это скажете вы, вводящіе намъ новаго и недавняго Сына, чтобы уже и совсѣмъ не вѣрить тому, что Онъ есть Богъ, ибо *не будетъ въ тебѣ Богъ новъ* (Псал. 80, 10), говорить божественное Писаніе? Какъ же не *новъ*, если рожденъ въ послѣднія времена? И не сказалъ ли лжи, говоря Иудеямъ: *истинно говорю вамъ: прежде нежели Авраамъ былъ, Я есмь* (Іоан. 8, 58)? Вѣдь очевидно конечно и для всѣхъ безспорно, что Христосъ родился отъ Святой Дѣвы много времени спустя послѣ блаженнаго Авраама. Какъ же вообще сохранится тогда истинный смыслъ выраженія: *бѣ въ началѣ*, если Единородный получилъ бытіе въ концѣ вѣковъ? Замѣть и изъ послѣдующаго, къ какой нелѣпости ведетъ отрицаніе вѣчнаго существованія Сына и мысль, что Онъ получилъ бытіе въ позднѣйшія времена.

Но намъ снова должно обратиться въ точнѣйшему изслѣдованію изреченія блаженнаго Евангелиста: *въ началѣ бѣ Слово.* Нѣтъ ничего старше начала, если выдерживать опредѣленіе понятія начала въ себѣ самомъ; ибо начало начала никогда не можетъ быть, или же, если мыслится и берется прежде него что-либо другое, то оно конечно перестанетъ быть истиннымъ началомъ. Въ противномъ случаѣ, тоестъ если допускается, что нѣчто предсуществуетъ дѣйствительному началу, рѣчь о немъ (началѣ) пойдетъ у насъ въ безконечность, такъ

какъ всегда будетъ предвосходить другое начало, производящее то, о коемъ будетъ наше изысканіе. Итакъ, начало начала быть не должно, по точному и вѣрному разсужденію, но въ необъятную безпредѣльность должна уходить рѣчь о немъ. И такъ какъ постоянное движеніе назадъ (къ безпредѣльному началу) не имѣетъ конца и превосходитъ мѣру вѣковъ, то Сынъ не можетъ оказаться произшедшимъ во времени, но напротивъ—существуетъ вѣчно вмѣстѣ съ Отцемъ. Вѣдь *былъ* въ началѣ. Если же *былъ* въ началѣ, то какой, скажи мнѣ, умъ возможетъ перелетѣть значеніе этого „*былъ*“? Когда же вообще это „*былъ*“ можетъ стоять какъ бы въ концѣ, если оно всегда предшествуетъ слѣдующей мысли и предваряетъ слѣдующее за нимъ понятіе? Пораженный этимъ, пророкъ Исаія говоритъ: *родъ Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ Его* (Иса. 53, 8). Поистинѣ вземлется отъ земли слово о рожденіи Единороднаго, тоестъ выше всякаго разума сущихъ на землѣ и выше всякаго слова, такъ что въ концѣ концовъ неизяснимо. Если же выше ума и словъ нашихъ, то какъ Онъ можетъ быть тварнымъ, когда присущій намъ разумъ оказывается въ состояніи и временемъ и словомъ опредѣлять тварные предметы?

Другое созерцаніе на то же самое: „въ началѣ бѣ Слово“.

Въ отношеніи къ Единородному отнюдь нельзя принимать начало въ значеніи *начала во времени*; такъ какъ Онъ прежде всякаго времени и имѣетъ превѣчное существованіе, и притомъ еще божественная природа не можетъ имѣть конца.—ибо всегда пребываетъ тождественною себѣ, согласно воспѣваемому въ псалмахъ: *Ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 28). Итакъ, отъ какого же начала, измѣряемаго временемъ и количествомъ, можетъ исходить

Сынъ, не могущій дойти до конца, будучи Богомъ по природѣ и посему вопіющій: *Азъ есмь жизнь* (Іоан. 14, 6)? Вѣдь начало само по себѣ отнюдь не можетъ быть мыслимо существующимъ иначе, какъ въ виду своего собственнаго конца. И какъ началомъ называется въ отношеніи къ концу, такъ и наоборотъ конецъ (является концемъ) также въ отношеніи къ началу, — причемъ и здѣсь обозначаемъ начало во времени или количество. Итакъ, если Сынъ старше и самихъ вѣковъ, то Онъ не можетъ подлежать происхожденію во времени, но всегда *былъ* въ Отцѣ, какъ въ источникѣ, согласно сказанному Имъ: *Азъ отъ Отца* ¹⁾ *изидохъ и придохъ* (Іоан. 8, 42). Если же Отецъ понимается какъ источникъ, то *было Слово* въ Немъ, существуя какъ премудрость, и сила, и начертаніе, и отблескъ, и образъ Его (Евр. 1, 3 ср. Лук. 11, 49; 9, 35 и Мат. 11, 19). И если не было такого времени, когда Отецъ былъ безъ Слова и премудрости и начертанія и отблеска, то необходимо признать, что и Сынъ, который есть это все (т. е. Слово, премудрость, образъ и отблескъ) для Вѣчнаго Отца, также существуетъ вѣчнымъ. Какъ же бы вообще Онъ могъ быть начертаніемъ и точнымъ образомъ, если бы оказался не отображеннымъ соотвѣтственно красотѣ Того, Кого Онъ есть образъ?

Нѣтъ конечно никакого препятствія къ тому, чтобы мыслить существованіе Сына въ Отцѣ, какъ въ источникѣ, ибо наименованіе источника здѣсь означаетъ только „*бытіе - изъ - чего*“ ²⁾. Сынъ же *есть* (существуетъ) *въ Отцѣ* и *изъ Отца*, не отнѣ или во времени получивъ бытіе, но находясь въ сущности Отца и изъ нея возсіявъ, какъ изъ солнца, напри-

¹⁾ Подлин: *Бога*, но въ паралл 16, 28 *Отца*.

²⁾ τὸ ἐξ οὗ.